

ИЮНЬСКИЕ НОВЕЛЛЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ВЕКТОР ИЛИ МАНЕВР?¹

Июнь — месяц иногда отпускной и всегда выпускной. Школьные и вузовские экзамены концентрируют на себе внимание не только встревоженных родителей и с каждым пройденным курсом всё меньше волнующихся студентов, но и образовательного сообщества в целом. Самое время делать заявления о серьёзных намерениях в образовательной политике.

Олег Смолин,
первый заместитель
председателя
Комитета по
образованию
и науке
Государственной
Думы,
доктор
философских
наук

Проект платной для всех государственной школы уходит в историю?

На встрече с депутатами и журналистами в рамках Правительственного часа был затронут вопрос о размерах и сроках повышения зарплаты педагогических работников. Как известно, на съезде Профсоюза работников образования и науки 4 апреля этого года министр образования и науки А.А. Фурсенко говорил о двукратном повышении этой зарплаты в течение трёх лет. Через три недели, 25 апреля, Президент России уточнил: «Считаю необходимым в течение трёх лет добиться повышения доходов «бюджетников» в реальном выражении не менее чем в 1,5 раза. То есть в ближайшие годы зарплаты «бюджетников» должны расти как минимум в 1,5 раза быстрее, чем цены на потребительские товары». Есть ли разница в заявлениях Президента и руководителя Минобрнауки?

Простой расчёт показывает, что при десятипроцентной инфляции (без учёта сложных процентов) зарплата педагогов, при оптимистической интерпретации слов Президента, вырастет на 80% ($50\% + 10\% \cdot 3$). Если же верить прогнозам правительства об инфляции, убывающей по 2% в год, получается и того меньше: $50\% + 10\% + 110\% \cdot 8\% + 118,8\% \cdot 6\% = 76\%$ (округлённо).

При пессимистической интерпретации уточняющей фразы Президента («зарплаты... должны расти... в 1,5 раза быстрее, чем цены на потребительские товары») в условиях десятипроцентной инфляции зарплата педагогов без учёта сложных процентов вырастет на 45% ($10\% \cdot 3 \cdot 1,5$), а при затухающей инфляции соответственно на 36% — ($10\% + 8\% + 6\%) \cdot 1,5$.

Президент поставил задачу приблизить зарплату «бюджетников» к средней зарплате в стране, не вспоминая о только что отменённой статье 54 Закона РФ «Об обра-

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 05-03-03487а.

зовании», согласно которой ставки педагогических работников должны быть выше средней зарплаты в промышленности. Легко подсчитать, что при современных темпах экономического роста и в 2008 г. зарплата (а не ставка) педагога не превысит 2/3 зарплаты производственников. Таким образом, будет ли начинающий учитель через три года получать вместо полутора тысяч три тысячи рублей в обесцененных деньгах или, в пересчёте на современные деньги, — две с небольшим тысячи, качественно это ничего не изменит.

Напомним: дополнительные доходы Федерального бюджета (500 млрд руб. за первый квартал текущего года, т.е. в пересчёте на год — около двух триллионов) и стабилизационный фонд позволяют увеличить зарплату интеллигенции не в 1,5, а в два раза и немедленно, а не за три года. Если же облагать налогами доходы от природных богатств, как это принято во всём мире, в течение трёх лет ставки педагогов легко можно вывести на уровень выше средней зарплаты в промышленности.

На вопрос депутатов о намерении ввести частично платное школьное образование министр А.А. Фурсенко ответил следующее: «Никогда не ставился ни в каких наших документах вопрос о том, что мы ратуем за платное образование. Мы однозначно считаем необходимым сохранить принцип бесплатности общего образования. Когда речь идёт об оплате каких-то дополнительных услуг, то это никакого отношения не имеет к сохранению бесплатности общего образования. Это будет сохранено, это абсолютно однозначная позиция, которой мы придерживались всегда и будем придерживаться дальше». Итак, официальная плата для всех за обучение ребёнка в средней школе в ближайшее время в России введена не будет. И это не единственный в июне успех демократического направления в образовательной политике.

Вперёд — назад: к обязательному среднему?

Передо мной взятый с официального сайта текст выступления В.В. Путина 20 июня на торжественном вечере выпускников школ 2005 года:

«...Сегодня в быстро меняющемся мире сами учителя очень часто сталкиваются с весьма сложными задачами, и подчас только любовь к школе, к своему делу позволяет им так блестяще выполнять свой долг...

...Полагаю возможным внести изменения в действующее законодательство об образовании, с тем чтобы в Законе «Об образовании» такие понятия, как общее образование и так называемое полное среднее образование, были идентичными понятиями, с тем чтобы именно оно, общее среднее образование, было и обязательным, и бесплатным. И если вы меня поддержите, как люди, которые уже прошли этот этап, то обещаю вам, что в самое ближайшее время сформулирую соответствующее поручение правительству и обращение в Государственную Думу. Поддержите? (Возгласы одобрения.)»

Напомню: действующая редакция Закона РФ «Об образовании» делит образовательные программы на общеобразовательные и профессиональные (п. 1 ст. 9). К общеобразовательным относятся программы дошкольного, начального общего (начальная школа), основного общего (основная школа) и среднего (полного) общего образования (п. 3 ст. 9). Поэтому юридически к полному среднему образованию можно приравнять не любое общее образование, но только полное общее образование, что уже и сделано в действующем законе. Применительно к старшей школе в его тексте употребляется выражение: «среднее (полное) общее образование».

Нет необходимости новым законом вводить в России бесплатное полное среднее образование (старшую школу), ибо п. 3 ст. 5 Закона РФ «Об образовании» такая норма установлена с 1996 г.:

«Государство гарантирует гражданам общедоступность и бесплатность дошкольного, начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования и начального профессионального образования, а также на конкурсной основе бесплатность среднего профессионального, высшего профессионального и послевузовского профессионального образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях в пределах государственных образовательных стандартов, если образование данного уровня гражданами получает впервые».

Рациональный смысл заявления Президента заключается во введении (точнее, возвращении) в стране обязательного полного среднего образования (одинадцатилетки), поскольку п. 4 ст. 43 Конституции РФ устанавливает обязательность лишь основного общего образования (девятилетней школы):

«Основное общее образование обязательно. Родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования».

Аналогичную норму содержит и п. 3 ст. 19 действующего Закона РФ «Об образовании»:

«Основное общее образование и государственная (итоговая) аттестация являются обязательными».

Предложение Президента юридически легко осуществимо и, на мой взгляд, может быть реализовано без внесения изменений в Конституцию. Статья 43 Конституции, регулирующая права в области образования, не гарантирует того, что было в Советском Союзе (общедоступная и бесплатная полная средняя школа), зато гарантирует то, чего в нашей стране не было никогда (общедоступное и бесплатное дошкольное и такое же среднее профессиональное образование).

Внести изменения в 43-ю статью Конституции практически невозможно, ибо действующая Конституция с точки зрения порядка её пересмотра принадлежит к сверхжестким. В соответствии со статьёй 135 Основного закона положения второй главы, к которой принадлежит и статья 43, не могут быть пересмотрены Федеральным собранием. Для внесения изменений в статьи данной главы и первого раздела в целом необходима поддержка трёх пятых от общего числа членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы. Лишь в этом случае может быть проведён референдум или созвано Конституционное собрание в порядке, предусмотренном соответствующим федеральным законом, который до настоящего времени не принят.

Однако, как известно, законом нельзя ограничивать конституционные права граждан, но вполне можно их расширять. Именно так поступил законодатель, установив действующим Законом РФ «Об образовании» дополнительно к конституционным правам права граждан на общедоступное и бесплатное полное среднее и начальное профессиональное образование (старшую школу и ПТУ).

Следовательно, ключевым в данном случае становится вопрос о том, чьи именно обязанности расширит законода-

тель, если попытается ввести обязательное среднее образование — обязанности государства (т.е. гарантии прав гражданина) или обязанности гражданина? Если законодатель возложит ответственность за создание условий для получения полного среднего образования не только на родителей (или лиц, их заменяющих), но и на государство, он фактически предоставит гражданину новые права и в этом смысле, на мой взгляд, Конституции закон противоречить не будет.

Можно ли вернуть страну к обязательному полному среднему образованию, не наступая при этом на те же «грабли» всем памятной процентомании? Думаю, да. Но лишь в том случае, если ответственность за обязательное обучение в старшей школе будет делом не только учителей, но в равной мере старшеклассников, их родителей и органов местного самоуправления, которым соответствующие полномочия скорее всего делегирует государство. Учителям нельзя навязывать формальные критерии процента успеваемости, а дети со школьной скамьи должны знать, что даром в этой жизни ничего не даётся. (Отметим, что решить задачу обязательного полного среднего образования в современной России с её колоссальным социальным неравенством будет на порядок труднее, чем было в СССР.)

Несмотря на все эти оговорки, предполагаемая законодательная инициатива, «озвученная» Президентом перед выпускниками, должна быть поддержана сторонниками образования для всех. Если же правительство задержится с соответствующим законопроектом, представителям образования в парламенте следует внести его самостоятельно. Вот лишь несколько аргументов в защиту этой позиции:

— мировой опыт. Тенденция к всеобщему среднему образованию либо увеличению числа лет обучения в школе отчётливо заметна в индустриально развитых странах;

— негативный отечественный опыт 1990-х гг. За это десятилетие по показателю среднего числа лет обучения работа-

ющего населения Россия отстала от США приблизительно ещё на 2 года, что препятствует вхождению в «общество знаний»;

— сравнительно небольшие бюджетные затраты. Во второй половине 1990-х гг., согласно официальным сообщениям Минобрнауки России, после 9-го класса продолжали учёбу 96–97% детей. Если это действительно так, связанные с инициативой Президента дополнительные расходы составят около 1% от современных затрат на общее образование. С другой стороны, это будет стимулировать реализацию общеобразовательных программ в учреждениях начального и среднего профессионального образования;

— установка органам власти. Если по инициативе Президента Правительство внесёт в Госдуму законопроект об обязательном и бесплатном среднем образовании, весьма вероятно, что попытки официально ввести в школе плату за обучение прекратятся, как минимум, на несколько лет.

Куда «процесс пошёл» — Болонский?

Третьим июньским событием в образовательной политике, причём событием «удвоенным», стала дискуссия в Госдуме по проблемам Болонского процесса: сначала 9 июня на организованном Комитетом по образованию и науке «круглом столе» «Проблемы интеграции российской и европейской систем образования», где абсолютное большинство приглашённых Болонский процесс поддерживали; затем — 15 июня на Общественных слушаниях, организованных общероссийским движением «Образование — для всех».

Напомню читателю суть дела.

Как известно, в 1999 г. Болонскую декларацию подписали 29 государств. Сейчас их число увеличилось до 45 и продолжает расти. После присоединения к Декларации России в сентябре 2003 г. в отечественном образовательном и политическом сообществе возникли и существуют два основных взгляда на то, что сулит российскому образованию Болонский процесс, и соответственно сторонники двух, существенно различных линий поведения по отношению к нему. Именно эти два взгляда и были представлены на упоминавшихся уже «круглом столе» и Общественных слушаниях в Госдуме.

Сторонники первого направления — приверженцы всеобщей и максимально быстрой перестройки российской системы высшего и среднего профессионального образования на болонских началах.

Аналогичную позицию занимает и руководство Российской академии образования, с удовольствием отмечая, что Болонская декларация, в отличие от многих российских официальных документов, утверждает отношение к образованию как к общественному благу, а не рыночной услуге. В европейских системах образования социальные гарантии прав граждан в последнее время оказались значительно выше, чем в российской, поэтому присое-

единение России к Болонскому процессу должно способствовать выравниванию возможностей в этой области.

Иного взгляда придерживаются сторонники осторожной позиции, предполагающей плавное вхождение в Болонский процесс при максимальном сохранении достижений отечественного образования. Этому направлению придерживаются руководство профильного Комитета Совета Федерации по науке, культуре, образованию, здравоохранению и экологии; ректор МГУ, президент Российского союза ректоров В. Садовничий; автор этих строк.

Значительно реже встречаются сторонники третьей позиции, которые считают: Болонский процесс — это завершение разрушительных тенденций в отечественном образовании и окончательное закрепление роли России как сырьевого придатка развитых стран в системе международного разделения труда. Аргументируется эта позиция реальными проблемами, которые могут возникнуть перед страной в связи с реализацией болонских принципов (см. ниже). Однако сами проблемы при этом резко заостряются, а возможность интерпретируется как неизбежность.

Забегая вперёд, можно утверждать: для России и российского образования формальный счёт плюсов и минусов Болонского процесса — 4:3. Однако образовательная политика далеко не всегда тождественна математике, а тем более — арифметике первого класса, и по состоянию на данный момент три вероятных Болонских минуса существенно перевешивают четыре возможных плюса. С плюсов и начнём.

1. Увеличение возможностей экспорта образовательных услуг российскими вузами. Отечественное высшее образование, особенно естественно-математическое и инженерное, остаётся достаточно качественным, но, по сравнению с Европой и Америкой, — по-прежнему дешёвым. Присоединившись к Болонскому процессу, российские вузы смогут обучать или по меньшей мере

претендовать на обучение студентов из европейских стран и Северной Америки. Иначе говоря, речь идёт об инвестировании высшего образования в России за счёт притока капиталов из-за рубежа. Насколько успешными окажутся подобные проекты — вопрос открытый. Сейчас обмен студентами между США и Россией сопоставим по количественным показателям с обменом между США и небольшими латиноамериканскими странами.

2. Качественный рост академической мобильности путём введения системы зачётных баллов (кредитов). Во многих европейских вузах существует учёт успеваемости, основанный на оценке различных курсов по уровню трудоёмкости их освоения: каждому курсу приписывается определённое число таких баллов, а студент, набравший необходимое их количество, считается закончившим семестр, триместр или учебный год. При этом баллы можно набирать в различных учебных заведениях, в том числе осваивая курсы образования взрослых. Такая система позволяет студенту разнообразить образовательный и жизненный опыт, поучиться в нескольких вузах различных стран, открывает новые возможности для использования дистанционных образовательных технологий, которые многие специалисты рассматривают в качестве основного отличия системы образования в постиндустриальном обществе.

3. Главное: расширение пространства свободы личности. Получив конвертируемый диплом, выпускник российского вуза сможет работать в любой из стран, подписавших Болонское соглашение, зарабатывать деньги на жизнь, посмотреть мир и т.п.

4. Декларации о намерениях.

Для иллюстрации того, что намерения исключительно хорошие, позволю себе несколько цитат из коммюнике Конференции европейских министров образования (Берген, 19–20 мая 2005 г.), которое называется «Общеввропейское пространство образования — достижение целей».

4.1. «Мы подчёркиваем центральную роль институтов высшего образования, их

сотрудников и студентов как партнёров в Болонском процессе»². По идее эти и аналогичные им заявления в тексте самой Болонской декларации должны истолковываться в том смысле, что принципы Болонского процесса нельзя никому навязывать: хотите конвертируемый диплом — приводите систему обучения в соответствие с евростандартами; не хотите — ваше право. Однако, как убедился автор на очередных Ломоносовских чтениях в Берлине 19 мая текущего года, элементы мягкого принуждения наблюдаются даже в Европе.

4.2. Тремя приоритетами Болонского процесса провозглашаются: «система степеней, обеспечение качества и признание дипломов и периодов обучения». Оставляя в стороне первый и последний приоритеты, акцентируем внимание пока лишь на втором: «практически все страны создали условия для обеспечения качества... однако необходимо обеспечить дальнейшее развитие, в частности вовлечение студентов и международное сотрудничество. Кроме того, мы призываем институты высшего образования приложить усилия для повышения качества их деятельности через системное внедрение внутренних механизмов контроля качества и их прямую взаимосвязь с внешними системами обеспечения качества». Возражений эти постулаты тоже не вызывают: в оценке качества работы вузов и их преподавателей, безусловно, должны принимать участие, с одной стороны, студенты, а с другой — независимые службы и агентства контроля, в том числе созданные работодателями, общественные и общественно-государственные.

4.3. «Мы ещё раз подтверждаем нашу приверженность цели обеспечения доступности высшего образования для всех и подчёркиваем необходимость создания соответствующих условий для студентов, с тем чтобы они могли завершать обучение без препятствий, связанных с социальными и экономическими обстоятельствами. Социальное измерение включает меры финансовой и экономической помощи студентам, предпринимаемые прави-

2

Здесь и далее цитируется официальный текст коммюнике.

тельствами, особенно находящимся в социально неблагоприятных условиях, а также обеспечение консультационными услугами, с целью расширения доступности образования». Пожалуй, это ключевая позиция, которая, если бы реализовалась, могла бы окупить все ожидаемые издержки Болонского процесса. В очередной раз не могу не обратить внимание на то, как российские власти «догоняют цивилизацию» задом наперёд: Европа намеревается обеспечить доступное высшее образование для всех, а в России министры заявляют об избыточном количестве студентов и вузов!

4.4. «Мы считаем, что мобильность студентов и преподавателей в странах-участницах остаётся одной из ключевых задач Болонского процесса. Принимая во внимание многие ещё не разрешённые проблемы, мы подтверждаем наши обязательства способствовать мобильности грантов и займов, при необходимости координируя усилия, с тем чтобы мобильность в рамках ОПВО» (т.е. общеевропейского пространства высшего образования) «превратилась в реальность». Другими словами, если студент, обучающийся в одной стране за счёт займа или гранта, вознамерится продолжить обучение в другой, соответственно займ или грант должны последовать за ним, обеспечивая академическую мобильность. Вот где любимый принцип российских квазиреформаторов «деньги следуют за студентом» приобретает сугубо позитивное звучание!

4.5. «Мы выражаем приверженность принципу государственной ответственности за высшее образование в контексте сложных современных обществ. Высшее образование находится на перекрёстке исследований образования и инноваций и является ключом к конкурентоспособности Европы». На фоне постоянных попыток современного российского государства «уйти из образования» эта позиция выглядит прямо-таки «антирыночно».

Итак, замечательных деклараций в Болонских документах более чем достаточно. И в этом смысле аргументы академиков РАО — сторонников Болоньи выглядят вполне основательно. Однако все эти заявления о намерениях, в отличие от конкретных составляющих Болонского процесса, имеют по преимуществу характер пожеланий, а их содержание во многом остаётся вопросом трактовки. В данном случае можно сказать: не важно, кто документ сочиняет, важно, кто и как его будет исполнять. И здесь мы переходим к вероятному отрицательному потенциалу Болонского процесса для России.

К вероятным минусам присоединения России к Болонскому процессу относятся следующие.

Во-первых, предполагаемое сокращение сроков обучения в вузах путём введения бакалавриата. Пункт 1 статьи 6 действующего Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» гласит:

«6. Основные образовательные программы высшего профессионального образования могут быть реализованы непрерывно и по ступеням».

Иначе говоря, вуз вправе выбирать одну из двух стратегий обучения: либо версию «четырёхлетний бакалавриат плюс двухлетняя магистратура», либо традиционную для отечественного образования пятилетнюю подготовку специалиста.

Если судить по одобренным Минобразования и науки документам («Концепция участия Российской Федерации в управлении имущественными комплексами организаций, осуществляющих деятельность в сфере образования», «О приоритетных направлениях развития образовательной системы в РФ», а также законопроекты, разработанные министерством и рассматривавшиеся в Думе в «нулевом» чтении Комиссией Генсовета партии «Единая Россия»), после подписания Болонской декларации правительство требует, чтобы на двухступенчатую систему переходили абсолютное большинство вузов, а «специалитет» соглашается сохранить лишь по узкому кругу направлений подготовки.

Между тем среди выпускников отечественных вузов 2002 г. бакалавры и магистры в совокупности составили около 55 тысяч, а специалисты — почти 600 тыс. И это не случайно, ибо российские бакалавры, как правило, имеют более серьёзные проблемы с трудоустройством.

Судя по тексту цитированного выше коммюнике Конференции европейских министров образования, в Европе у бакалавров также немало проблем с рабочими местами: «...существует необходимость более интенсивного диалога между правительствами, институтами и социальными партнёрами с целью повышения возможностей трудоустройства выпускников с квалификацией бакалавра, включая соответствующие позиции в государственной службе». Что же касается перспектив российских бакалавров за рубежом, то, по оценке крупнейшего эксперта в этой области ректора МГУ В. Садовниченко, их ждёт в лучшем случае работа в качестве лаборантов.

В России решительно против бакалавриата выступают ректоры вузов и ра-

ботодатели системы здравоохранения, оборонного комплекса, большинства инженерных специальностей и значительной части учебных заведений системы педагогического образования. Однако бакалавриат представляется вполне приемлемым для подготовки менеджмента младшего и среднего звена, работников сферы обслуживания и т.п.

Помимо всего сказанного, европейский диплом бакалавра обычно даёт достаточно широкое образование без настоящей специализации. Соответственно на Западе создана специальная система дообучения таких выпускников, нередко прямо в фирмах. В России подобной системы нет. Поэтому вопреки прекрасным намерениям принудительная бакалавризация, в отличие от добровольной, может привести к понижению уровня отечественного высшего образования и его конкурентоспособности. Кстати, по иронии судьбы, именно повышение такой конкурентоспособности на международном рынке образовательных услуг (подразумевается конкуренция европейских вузов с американскими) объявлено одной из главных целей Болонской декларации.

Во-вторых, потенциальным минусом является возможная утрата российским образованием собственного «лица», сформированного отечественной культурной традицией. Правда, коммюнике конференции европейских министров образования в Бергене 19–20 мая 2005 г. гласит: «Мы должны беречь наше богатое наследие и культурное разнообразие, внося вклад в создание общества, основанного на знаниях». Однако Болонская декларация предусматривает, что присоединившиеся к ней страны должны строить системы образования в соответствии именно с европейской традицией.

В России накоплен собственный весьма интересный опыт построения системы образования и образовательных технологий. Не случайно международные организации признают, что качество образования по естественно-научным дисциплинам в России выше, чем во мно-

гих странах Европы. Не случайно в США работает столько российских специалистов: ещё в советский период более 70% потребности США в математиках реализовалось за счёт эмигрантов из СССР. Поэтому заслуживает поддержки позиция руководства ряда ведущих вузов во главе с Московским государственным университетом: в тех случаях, когда качество образования в России выше средневропейского, следует не только принимать общие условия Болонского процесса, но и выставлять собственные.

Наконец, в-третьих, главный минус: явная угроза нарастания «утечки умов». Не секрет: статус высококвалифицированного специалиста и его зарплата в России и Западной Европе качественно различны. Российский начинающий учитель, врач или работник культуры получает при одной ставке 40–50 евро в месяц, а в Германии или Великобритании — не менее 2 тысяч евро. В России научные работники по оплате труда среди профессиональных отрядов в 90-х гг. регулярно занимали 4-е место снизу, опережая по этому показателю лишь работников образования, культуры и сельского хозяйства (соответственно третье, второе и первое место снизу). Лишь в 2004 г. зарплата российского учёного на 24% превысила среднюю по стране, да и то во многом за счёт значительного увеличения государственных надбавок академиком и членам-корреспондентам государственных академий. Европейские же учёные — высокооплачиваемая категория людей, хотя интенсивность их труда во многих странах ниже российской.

При отсутствии Болонской декларации, по данным Российского фонда фундаментальных исследований, только в начале 90-х годов из страны уехали 80 тыс. учёных. Прямые потери государства при этом составили не менее 60 млрд долларов (в те времена — несколько годовых бюджетов России). По оценкам специалистов, общие потери страны от утечки умов с 1970 г. по настоящее время — около 1 триллиона долларов.

Совершенно очевидно: если выпускники российских вузов получают «конвертируемые» дипломы при сохранении современной разницы в доходах, они буквально ринутся за рубеж, а страна, вкладывая бюджетные средства в образование и провоцируя новую волну эмиграции, фактически будет инвестировать рост человеческого потенциала в Западной Европе, США, их технологическое и экономическое развитие.

В том же направлении явно сработает и намеченное Министерством обороны сокращение военных кафедр в вузах и соответственно призыв их выпускников в рядовые. С одной стороны, можно понять желание военных оптимизировать таким способом бюджетные расходы, а также путём заключения договоров обеспечить службу в армии выпускников вузов, имеющих военные кафедры. Однако, похоже, Минобороны и Минобрнауки действуют по известной формуле президента Рейгана: моя правая рука не помнит, что делает крайняя правая. При нарастании Болонского процесса студенты и бакалавры, не желающие оказаться в Российской армии, будут избегать службы, участвуя в академических обменах, продолжая высшее образование на его второй

ступени за рубежом с последующим трудоустройством. Вообще принудительная система призыва имела смысл лишь при закрытых границах. В современной же ситуации эта система вместо укрепления национальной безопасности означает её подрыв.

Отказываясь или не будучи способным сбалансировать реформы в различных сферах жизни, отечественное правительство никак не хочет понять: нельзя все сделать, «как у них», а оплату высококвалифицированного труда в системе «человек — человек» и вообще социальный статус интеллигенции оставить, «как у нас». Скорость вхождения в Болонский процесс должна быть согласована с повышением статуса высококвалифицированных специалистов. В противном случае придётся перефразировать известное выражение: хотели, как всегда, а получилось ещё хуже!

Чрезвычайно важно отметить ещё одно обстоятельство, быть может, даже ключевое. Болонская декларация, и без того представляющая собой «палку о двух концах», в России подвергается искажению, произвольной трактовке, причём не в пользу образования. Вот лишь несколько примеров:

— как уже отмечалось, настаивая на автономии университетов, декларация по своему духу предполагает добровольность участия в Болонском процессе. В России же её, похоже, намереваются насаждать, «как кукурузу»;

— в декларации говорится, что бакалавриат должен продолжаться не менее трёх лет. В России многие предлагают на этом основании сократить срок обучения студентов. Но ведь и четыре, и пять лет обучения — это никак не менее трёх. Более того, европейские министры образования в цитированном коммюнике утверждают: «Мы подчёркиваем значение обеспечения комплиментарности между общей рамкой квалификаций и предложенной более широкой рамкой квалификаций для образования в течение всей жизни, включающей как общее образование, так и профессиональное образование и подготовку, разрабатываемой в настоящее время в ЕС и странах-участницах». Другими словами, ступени высшего образования и соответствующие им академические степени не могут рассматриваться в отрыве от образовательной системы страны в целом. Не секрет, что в абсолютном большинстве стран Европы школьное образование продолжается 12 лет, тогда как в России — 11. Поэтому вполне логично, чтобы российский бакалавриат продолжался на год дольше европейского. Однако этого радикальные «болонцы» почему-то замечать не хотят;

— декларация не требует конкурсного отбора для обучения студентов на старшей ступени высшего образования. Однако именно это предлагается в законопроектах, что ограничит доступ к качественному образованию для российских граждан.

В целом это типичная для последних 15 лет попытка реформировать отечественное образование по западным образцам, причём, что самое печальное, «исправленным» в худшую сторону. В итоге приходится констатировать следующее.

По своему замыслу Болонский процесс есть часть закономерного и прогрессивного процесса интернационализации общественной жизни.

В области образования интернационализация не может интерпретироваться как усреднение, как раскраска всех национальных систем образования в некий средний серый цвет. В теории культуры существует даже точка зрения, согласно которой интернационализация предполагает экономическую конвергенцию и культурную дивергенцию. Если даже это не так, сближение образовательных систем России и Европы не может быть «улицей с односторонним движением», но должно предполагать взаимное обогащение на основе лучших национальных традиций.

Позволю себе процитировать заключительную часть своего доклада на Ломоносовских чтениях в Берлине 19 мая 2005 г. (как раз в тот день проходила и Конференция министров образования в Бергене):

«Учитывая огромное взаимное влияние российской и немецкой культур, не раз полшутя предлагал повенчать Волгу-мать и Фатер-Рейн, однако это вовсе не значит, что первую следует повернуть на север, а второй — на юг. Обеим нашим странам нужно достичь высот образования, но каждая вправе идти к ним своим путём. Пусть же встреча образовательных систем произойдёт не у подножия, а на вершине!»

* * *

Выпускной июнь в очередной раз показал, что борьба демократического и элитарного направлений в России, как, впрочем, и в большинстве стран мира, продолжается. При этом демократическое направление если и не завладело инициативой, то, по крайней мере, отбило одну из атак элитаристов в виде предложения о введении частично платной для всех средней школы. Однако сторонники образования для всех должны помнить футбольный принцип: успех в обороне зависит от игры нападающих. Только время покажет, знаменуют ли июньские новеллы образовательной политики изменение её вектора... **НО**